

при «Российской истории» Клуб авторов, читателей и друзей журнала по примеру Клуба, существовавшего при журнале «Историк и Художник». Эта мысль особенно захватила его после заседания Никитского клуба 18 октября 2012 г., где он выступил с докладом «Наполеон в России: судьба легенды», вызвавшим живой отклик присутствовавших. Вообще в публичных дискуссиях Сергей Сергеевич чувствовал себя в своей стихии, поэтому остаётся только сожалеть, что свой Клуб при «Российской истории» не успел появиться.

Осенью 2011 г. Сергей Сергеевич предложил мне принять участие в коллективном исследовательско-издательском проекте РГНФ «Отечественная война 1812 года в культурной памяти России». О 200-летии одного из важнейших событий русской истории в Фонде, видимо, вспомнили с большим опозданием: конкурс объявили в самый канун юбилея, условия были «драконовскими» — книгу следовало написать и издать в течение одного года. Задача казалась невыполнимой, но Сергей Сергеевич верил в то, что правильно сформированный авторский коллектив (помимо меня он привлёк к работе А.В. Голубева, А.А. Подмазо и Н.Н. Аурову) и имевшийся у нас задел обеспечат необходимый успех. Сергей Сергеевич собирался возглавить нашу группу, но вскоре выяснилось, что, по правилам РГНФ, нельзя руководить двумя проектами одновременно, а у него уже имелся свой индивидуальный грант. Тогда ему пришлось передать руководство мне. При этом повёл он себя с присущим ему удивительно тонким чувством такта: с одной стороны, вместе со мной занимался составлением заявки и разработкой плана-проспекта, с другой — сделал небольшой, но всё же ощутимый для нас обоих шаг назад, дав мне почувствовать, что руководитель я отнюдь не формальный.

Коллективные труды исследователи часто с горькой иронией называют «братьскими могилами», слишком многое зависит от соавторов. Здесь как в другой расхожей фразе о готовности пойти кем-то в разведку. Сергей Сергеевич был абсолютно надёжен во всём. С ним можно было хоть в разведку идти, хоть браться за коллективную монографию со сжатыми сроками подготовки. Во время работы над проектом мы постоянно находились на связи: обменивались идеями, посыпали друг другу тексты, показывали и обсуждали находки. Он по-настоящему увлёкся этим делом и хотел выпустить к юбилею достойную книгу.

Тема, которую мы выбрали для исследования, комплексно в историографии ещё не освещалась. В культурной памяти об Отечественной войне 1812 г. мы видели часть исторической памяти народа — складывавшийся десятилетиями, подверженный постоянным изменениям (при переменах в системе международных отношений и общественно-политической жизни внутри страны) и вместе с тем относительно стойкий комплекс представлений, образов и способов их фиксации в сознании российского общества, в разных сферах его социальной и культурной жизни. Мы показали, что в основе её лежали те представления, которые складывались уже в ходе вооружённой борьбы с неприятелем. Этому способствовали созданные современниками мемуарные, публицистические, художественные, поэтические, эпистолярные произведения, а также гравюры, рисунки и карикатуры, фиксировавшие отдельные события; немаловажную роль играли периодическая печать и официальная пропаганда. В дальнейшем, на протяжении двух столетий, формирование и сохранение данной традиции продолжалось, причём огромную роль играли как действия государства, которое инициировало или поддерживало проведение юбилейных

торжеств, создание посвящённых победе над Наполеоном памятников, музеев, произведений архитектуры, скульптуры, живописи и кинематографа, так и частные и общественные инициативы. Один из главных выводов, к которому мы пришли, состоит в том, что в 1812–1814 гг., во многом благодаря активной позиции светских и духовных властей, а также образованной части общества, в России сложилась парадигма священной Отечественной войны и сформировался образ врага, которые впоследствии оказались востребованными как во время новых военных конфликтов, так и в ряде коллизий мирного времени.

Трансформации в национальной памяти представлений о поверженном враге, или, другими словами, преломлению и видоизменению в России наполеоновского мифа, посвящена в нашей книге большая глава Сергея Сергеевича²⁸. Он убедительно показал, что в русском сознании Наполеон никогда не воспринимался исключительно как завоеватель, разоривший «пол-России», гораздо больше в нём привлекает сильная личность, творившая мировую историю. Даже у многих современников, участников войны 1812 г., он вызывал противоречивые чувства, которые поручик И. Т. Радожицкий выразил лаконичной формулой: «Гению подражали, а врага ненавидели»²⁹. Со временем, особенно после смерти Наполеона, «чёрная» легенда о нём, созданная в 1806–1814 гг., почти совсем отошла на задний план, уступив место «светлой». Поэтому, по мнению Сергея Сергеевича, «парадоксальный характер» российской культурной памяти о войне 1812 г. придаёт ей «дуализм», при котором русский патриотизм вполне уживается с культом Бонапарта. «Едва ли не в каждом поколении русских юношей (а порой и девушек), — писал Секиринский, — по крайней мере, в XIX — начале XX в., у Наполеона были страстные поклонники, в большинстве своём оставшиеся, конечно, совершенно безвестными»³⁰. Особенno много таковых имелось среди русского офицерства, чьё военное образование зиждилось на изучении наполеоновских кампаний, вместе с чем нередко приходили и «более широкие амбиции». На тех, кто увлекался политикой, заметно влияла несомненная связь Наполеона с революцией, из которой он «вышел». При этом среди русских, «горевших» Бонапартом, были как те, кто «уходил» в революционное движение, так и те, кто искал «символ государственного строительства» или испытывал тоску по «гениальной власти»³¹. Советские партийные деятели также боялись бонапартизма и одновременно искали «своего Бонапарта». Сергей Сергеевич показал, что со временем имя Наполеона в России, как и в других странах, стало нарицательным, означающим «выдающегося в том или ином смысле человека вообще, крайнее проявление каких-либо свойств, какими бы они ни были». А «самый универсальный, лиричный и вдохновляющий ассоциативный образ Наполеона в русской культуре» он обнаружил в частной переписке М. П. Чехова, где упоминалось о плавадках перелётных птиц, целые караваны которых уводят за собой *передовая особь* — «какой-нибудь маленький птичий Наполеон»³².

2012 год был чрезвычайно тяжёлым. Специалистов по Отечественной войне 1812 г. буквально «рвали на части»: приглашали с докладами на многочисленные конференции, заказывали статьи, брали интервью, многие участвовали

²⁸ Отечественная война 1812 года в культурной памяти России. М., 2012. С. 313–373.

²⁹ Там же. С. 314–315.

³⁰ Там же. С. 326.

³¹ Там же. С. 340–343, 373.

³² Там же. С. 317.

в различных проектах. Помню, как однажды Сергей Сергеевич понимающе за-смеялся, когда я передала ему фразу В.М. Безотосного: «В этом году главное – выжить!». Тогда я и представить не могла, что в отношении него она окажется пророческой. В начале ноября 2012 г. всё шло своим чередом: мы с Сергеем Сергеевичем дописывали монографию, готовились к поездке во Францию на научную конференцию в Университете Кан-Нормандия. Уже обсуждали покупку авиабилетов, как вдруг утром 8 ноября его внезапно не стало. Это был удар, от которого было очень трудно оправиться. Книгу доделявали и сдавали в типографию уже без него. Но у меня не поднялась рука заключить фамилию Сергея Сергеевича в чёрную рамку: никак не могла принять тот факт, что его больше нет. Отсутствие траурной рамки я согласовала с Ольгой Леонидовной и Денисом Сергеевичем Секиринскими, попросив их тогда: «Пусть он ещё немного поживёт!».

Андрей Мамонов: Советы и заветы С.С. Секиринского

Andrey Matonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): The advice and precepts of S.S. Sekirinsky

DOI: 10.31857/S2949124X25020144, EDN: DQTWJP

С Сергеем Сергеевичем мне довелось познакомиться, ещё будучи школьником. В середине февраля 1992 г., учась в 10 классе, я делал доклад на импровизированной «конференции» в нашем «Ковшовском лицее» – московской школе № 210, где спортивные классы Общества «Динамо» причудливо, но совершенно бесконфликтно сочетались с гуманитарными (с «углублённым изучением истории»). Отведённый для мероприятия кабинет был полон – учащиеся из числа наиболее заинтересованных, оппоненты-старшеклассники, учителя, директор В.Л. Ковшов и, наконец, особое жюри – кандидаты исторических наук И.В. Карацуба и С.С. Секиринский. При этом Ирину Владимировну мы уже с 8 класса успели полюбить на внеурочных занятиях, а Сергея Сергеевича видели впервые. Молодые учёные и известные публицисты бывали в «лицее» не раз. Причём среди них встречались люди самых разных взглядов и увлечений – от Н.П. Соколова, уже тогда ходившего в крестовый поход против Александра Невского, и М.Е. Бычковой, сухо излагавшей детям геральдические и генеалогические сюжеты, до С.Н. Семанова и И.Р. Шафаревича, который рассказывал почему-то не о «русофобии» и диссидентстве, а о каких-то канадских медведях, чем сильно озадачил сбежавшихся на его лекцию подростков.

Но и на этом фоне Сергей Сергеевич выделялся и запоминался. Он был, кажется, первым, если не единственным, помимо собственно учителей, кто пришёл *не выступать*, а *выслушать* и откликнуться на наши незрелые речи и мысли, поддержать наивные дискуссии, подталкивая их участников к чему-то большему. И это дорого стоило. Ведь нам уделял внимание учёный, которого мы знали как соавтора популярного тогда (и быстро забытого потом) двухтомника «Наше Отечество»³³. Для нас, учившихся на рубеже 1980–1990-х гг. без учебников, эта книга была очень важна. Конечно, её немного сумбурные очерки не заменили систематическое пособие, и за *знаниями*, к примеру, о XIX в., при-

³³ Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 1. М., 1991.